

ВЛАДИМ СКУМБРИЕВ МЕТАМОРФОЗЫ СОЗНАНИЯ

New Sci-Fi (1С)

Вадим Скумбриев

Метаморфозы сознания

«1С-Публишинг»

2019

Скумбриев В.

Метаморфозы сознания / В. Скумбриев — «1С-Публишинг», 2019 — (New Sci-Fi (1С))

Вадим Скумбриев – молодой писатель-фантаст, работающих в жанрах научной фантастики и исторического фэнтези. Он также опубликовал ряд статей на тему космоса и истории. «Метаморфозы сознания» – одна из самых известных книг автора. Действие романа происходит на планете Фрейе, которую после разразившегося на Земле ядерного апокалипсиса пытаются колонизировать остатки человечества. Местные обитатели совсем не рады незваным гостям, но пути назад нет: звёздный ковчег землян не рассчитан на обратную дорогу. В завоевании места под здешними светилами огромную роль начинают играть модификанты – люди, чей геном был изменён, благодаря чему их способности получили качественное развитие. Вот только отношение к модификантам в обществе весьма настороженное, да и неизвестно, чем закончится этот эксперимент. Но без них шансов уцелеть не остаётся, ведь вся планета жаждет уничтожить колонистов...

Содержание

Заря. Фрейя	5
Центр контроля биологических угроз, 34 мая 1 года. Хелена Моргенсен	6
Мёртвый пояс, 34 мая. Джеймс Гленн	9
Река Керлауг, 35 мая. Снежана Савицкая	13
Административный центр Мидгарда, 36 мая. Хелена Моргенсен	16
Научно-исследовательское судно UFS “Sigyn”, 36 мая. Джеймс Гленн	19
Роботизированный завод, 37 мая. Виктория Орлова	23
Центр контроля биологических угроз, 37 мая. Хелена Моргенсен	25
Научно-исследовательское судно UFS “Sigyn”, 37 мая. Фиона Кристофоретти	26
Центр контроля биологических угроз, 38 мая. Джеймс Гленн	30
Административный центр Мидгарда, 39 мая. Хелена Моргенсен	33
26 августа 2083. Земля	36
Рассвет. Фрейя	38
Центр контроля биологических угроз, 1 июня. Хелена Моргенсен	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вадим Скумбриев

Метаморфозы сознания

Заря. Фрейя

Корабль остановился, зависнув над дневной стороной планеты. Его экипаж давно бодрствовал, тогда как пассажиры только просыпались от многолетнего сна.

Сначала на поверхность спустились автоматические зонды, передавая наверх бесценные данные – состав атмосферы, давление, радиация, световое излучение. Ничто из этого не оказалось сюрпризом для астрономов: сюда не летели наугад. Но до того у них были лишь очень приблизительные представления о планете, теперь же люди выбирали место, где поселиться.

Затем с геостационарной орбиты на низкую спустился челнок-беспилотник, с каждым витком снова и снова фотографируя единственный материк. Снимки он тут же отправлял в центр управления, где их тщательно изучали аналитики. Равнины. Горы. Леса. Джунгли. Озёра. Архипелаги. Никаких признаков городов или коммуникаций. Никаких признаков разумной деятельности.

Фрейя была готова принять в себя новую жизнь.

Корабль раскрыл шлюзы, выпуская посадочные капсулы, похожие на рой светлячков. Одна за другой они отправлялись сквозь атмосферу вниз, озаряя небеса огнём сотен падающих звёзд.

Колонизация началась.

Центр контроля биологических угроз, 34 мая 1 года. Хелена Моргенсен

Первое время Хелена с удовольствием любовалась рассветами, подходила по утрам к окну, смотрела, как из-за горизонта выплывает чужое светило – такое похожее на Солнце и всё же другое. Яркое, агрессивное. А Солнце – вон оно, светлая звёздочка у созвездия Кассиопеи, уже тускнеющая на фоне горячей зари. Если не знать, так и не поймёшь, что прилетели сюда люди именно оттуда.

Только пути обратно нет. Некуда возвращаться. Новая Земля – это Фрейя. И нужно хорошо поработать, чтобы превратить это место в дом.

Она и работала.

Хелена лежала на белоснежной кушетке, закрыв глаза и отключившись от внешнего мира. Со стороны могло показаться, что девушка спит – если не обращать внимания на воткнутые в шею кабели. Живой компьютер, система расчётных цепей – вот что она такое. Ординатор. И не талантом, а прихотью судьбы, мутацией, которую приручили генетики.

Каждый день она приходила сюда, вонзала штекеры в разъёмы импланта на шейных позвонках и тонула в работе. Первый раз это было больно – разум ещё не понимал, что происходит. Он терялся, как человек, которому вдруг посветили в глаза мощным фонарём. Но первый раз бывает больно не только от проводов. Зато потом от возможностей захватывает дух.

Её сознание кипело. Хелена сливалась с компьютером, ощущая каждый бит информации, как собственную память. Мозг выполнял творческую работу, порождал образы, которые тут же подхватывала квантовая электроника и лепила их один на другой, точно самый сложный конструктор. Хелена улыбалась. Это было сильнее любого наркотика, который только могли придумать люди.

Она изучала жизнь.

Она сплетала логические цепи, сравнивала биохимию организмов и разглядывала всё это со вниманием ребёнка, дорвавшегося до любимой игрушки. Каждый день разведчики добывали новые образцы, и все это отправлялось сюда. Специалисты изучали материал, раскладывали по полочкам, анализировала же его Хелена – единственный ординатор в Центре контроля биологических угроз. Она выделяла токсины, бактерии и вирусы, грибки и прочие организмы, потенциально опасные для человека. Работы было по горло, но это не угнетало девушку. Ей нравилось ложиться на свою кушетку и забывать обо всём, кроме паутины данных, в которой нужно разобраться.

– Посетитель, – вспыхнуло в мозгу, и Хелена открыла глаза. Рядом с её ложем стоял Иван Драгомиров – биолог из оперативной группы. Большим пальцем он с силой давил на красную кнопку на подлокотнике.

– Что-то важное? – спросила девушка. Ивана она не любила за грубость и бесцеремонность – к ней так относились многие, но Драгомиров выделялся даже среди них. Если Хелена была теоретиком, то Иван – практиком, всё время пропадавшим в экспедициях. Да и выглядел он так, будто сошёл с экрана какого-то боевика: бородатый атлет в сложных узорчатых татуировках, усеивающих мускулистые руки. Хрупкая медноволосая Хелена казалась рядом с ним совсем беззащитной.

– Важное, – кивнул Драгомиров. Он был в серо-зелёном рабочем комбезе и берцах, явно только что с полевой миссии. – Отключайся от своих железок и слушай.

Бесцеремонность и прямота – вот они, самые нужные в работе качества. Пришлось подчиниться, тем более что настырный Иван всё равно добьётся своего. С другой стороны, по

мелочам он никогда не беспокоил, и Хелена не стала злиться. Ей вообще редко доводилось испытывать подобные эмоции.

Она молча выдернула штекеры из шейного имплантата. Можно было этого и не делать, Хелена давно уже научилась управлять своим сознанием, но незнакомые с такими тонкостями люди чувствовали себя более уверенно, когда она отключалась аппаратно.

– У меня в экспедиции на одном из островов погиб человек, – с ходу взял быка за рога Иван.

– Вот как? – Хелена приподняла рыжие брови.

– Тебе мало? Пропал. Бесследно. У врача запищали датчики, пошёл сигнал о критическом состоянии, мы оглянулись – а парня нет, как корова языком слизнула.

– И что?

Их взгляды встретились.

– Слушай, ноутбук ходячий, – медленно проговорил Драгомиров. – Я понимаю, что тебе плевать на человека, которого ты даже не знала, но пораскинь своими ледяными мозгами. Мы не идиоты-туристы, технику безопасности не ради галочки изучаем. С нами был отряд солдат, они большие пушки тоже не для виду носят. И вот один из нас исчезает. Так, что никто этого не заметил. Ты себе можешь представить такое? Да никакой Джеймс Бонд такое бы не провернул!

Хелена молчала, глядя ему в глаза. Иван был прав. Она достаточно хорошо знала состав и методы исследовательских команд на Фрейе, и организовывались они с максимальной безопасностью для участников. Крупного хищника охранники не подпустили бы даже близко.

– Мне нужны данные, – сказала она, перебирая кабели и вонзая их обратно. Иван кивнул.

– Плавающий коралловый остров, примерно два на два километра. В центре – озеро, структура пористая. Фотографии и отчёт, – он бросил на столик рядом с кушеткой флэш-карту, и Хелена воткнула её в разъём на системном блоке. – Писал на борту дикоптера, за оформлением не следил, но всё, что нужно, там есть. Общая информация по островам – в базе. Сколько тебе нужно времени?

– Минуту.

Хелена вставила последний штекер и снова легла на кушетку, забыв об Иване. Её мозг разогревался, начиная работать на полную мощность. В несколько секунд она прочитала отчёт Драгомирова, проглядела фотографии. Каскад данных пролетел в сознании, точно рой мух.

Известняковая глыба с положительной плавучестью – значит, внутри есть пустоты, заполненные воздухом. Растительность почти отсутствует, поверхность покрыта органической губкой.

Поиск сведений о губке. Безвредна.

Хелена мысленно усмехнулась. Подобным эпитетом на Фрейе могли похвастаться очень немногие существа.

Поиск сведений об островах. Улов скудный: только данные о поверхности и гипотезы. Наличие узких входов на глубину, которые могут служить норами для животных. Данных по биосфере очень мало.

Глубокий поиск.

Пусто.

Крупных животных на островах не водилось вовсе. Были мелкие ядовитые твари с сильным ядом, но они не могли оказаться убийцами – ведь делся же куда-то труп. Поразмыслив, Хелена принялась за моделирование. Масса существа – не меньше человеческой. Скорость – высокая. Варианты отступления с трупом: озеро или норы. Вероятность наличия быстрого действия яда – высокая.

Информация веером символов и образов касалась разума Хелены. Разные виды земных животных, изученные виды фрейских, гипотетические существа. Мурены, сухопутные осьми-

ноги, змеи, ящерицы-амфибии. Варианты изучались один за другим, затем критерии дополнялись, и всё начиналось сначала.

– Есть, – сказала она, отправляя документ на печать. – Можешь показать это Плутонову.

– Так и сделаю, – бесстрастно ответил Иван. Через несколько секунд хлопнула дверь.

Поблагодарить Хелену он и не подумал.

Мёртвый пояс, 34 мая. Джеймс Гленн

Этим летом солнце жарило немилосердно. Хотя какое тут лето – нет на этой проклятой планете ни лета, ни зимы. Вокруг – сплошная пустыня, камни вместо деревьев, под колёсами ровера – красноватый песок, и ничего больше. Ни травинки, ни кустика, ни даже красивых жёлтых барханов с верблюдами. Одна только выжженная свирепым чужим светилом пустошь.

Бывший мастер-сержант армии Соединённых Штатов Америки, а теперь – капитан силовых отрядов Совета Фрейи, Джеймс Гленн не любил эти места. Слишком они неприятно выглядели. Он давно уже перестал смотреть на показания термометров – температура снаружи зашла за пятьдесят ещё пару часов назад. Сколько это в привычных для него градусах Фаренгейта? Сверхразум его знает, но уж точно здесь очень, очень жарко. Мёртвая это земля, безжизненная полоса по экватору, и хрен пойми, что тут учёные увидеть хотят. Ни животных, ни растений, а раз так, что им изучать?

Но он сам попросил перевода. Надоело по местным джунглям мотаться, вспоминая африканскую войну, вот и захотелось сменить обстановку. Забыть былое, так сказать. Кто ж знал, что пустыня окажется ещё скучнее. Сиди себе, жди, потом опять жди, пока учёные закончат, и снова в путь. Жаловаться было не на что: в конце концов, Джеймс понимал, что без охраны тут никуда, даже если до сих пор ничего серьёзного не происходило. Нельзя шутить с чужой природой.

Вот он и не жаловался.

Они находились в пути уже шестой день, посетив десяток точек по всей пустыне. Скрашивало скуку разве только то, что Джеймс оказался единственным мужчиной из четверых участников экспедиции – уж повезло так повезло. И в компании с ним ехали три сексапильные девицы, хоть сейчас раздевай их и в рекламу какой-нибудь косметики или нижнего белья отправляй сниматься. Но нет, у всех троих – учёные степени, как у профессоров. А с виду так-то и не скажешь.

– Дорогие леди, до расчётной точки два километра, – проговорил Джеймс, взглянув на карту. Никакого GPS на Фрейе, конечно, не было, и ему приходилось пользоваться очень грубой картинкой, кое-как скроенной из фотографий с орбиты. Каменный век. Но Джеймс уже давно уразумел, что иногда стоит вернуться к истокам.

– Последняя, потом домой и наконец-то душ, – вполголоса сказала сидящая на соседнем кресле девушка. Фиона Кристофоретти, импульсивная черноволосая итальянка, чудесное сопрано которой вызывало вопросы в духе «почему бы ей не пойти на сцену? Зачем ей эта дурацкая биология?». Даже не биология, нет: она была биоинженером. Как понимал это Джеймс, девушка создавала искусственные органы, импланты, протезы и тому подобные вещи. А попутно – вот, занималась всякой ерундой в экспедициях. Может, это и достойное дело. Только всё равно на сцене или шесте для стриптиза она смотрелась бы куда лучше.

Но при знакомстве Джеймс благоразумно оставил все эти мысли при себе. На работе – только работа. Он профессионал. Правда, солдат, а не охранник и не водитель, но в его ремесле каждый должен уметь всё понемногу. Хотя тут уметь особо и нечего: пустыня Мёртвого пояса – не джунгли здешних умеренных широт, где с каждого дерева на голову может какая-нибудь ядовитая гадость свалиться. Жизни тут нет. Во всяком случае, за три поездки по этим краям Джеймсу ни разу не приходилось нажимать на спуск табельного автомата.

Ровер то и дело наезжал на камни, но хитрая система электромагнитной подвески гасила удары, и Джеймс ехал почти как по шоссе, лишь изредка ощущая толчки корпуса. Карта подсказывала, что до невидимой точки L – примерно двести метров. Почему господа учёные выбрали именно это место, Джеймс не знал. На его взгляд, вся равнина была совершенно одинакова.

Он вдавил педаль тормоза.

– Приехали, если пилоты не обманули нас с картой, – сказал Джеймс, берясь за ручку двери. – Двадцать градусов семнадцать минут и шесть секунд северной широты. Ждём, всё как обычно.

Рутин. Он спокойно обошёл ровер кругом, тщательно вглядываясь в окружающий ландшафт. Ничего подозрительного, но если права карта, то вон там метрах в ста начинается русло реки. Правда, земля здесь поднималась в гору, и русло скрывалось за холмом, но стоило проверить.

– Выходим, девочки, – сказал он, активировав переговорник шлема и одновременно изучая экран датчика движения. Но и тот молчал. – Всё чисто.

– Как будто раньше бывало иначе, – раздался в наушниках мрачный голос. Это Ольга Крутогорова, сейсмолог, чью фамилию Джеймс даже и не пытался выговорить. Флегматичная рассудительная девица, работать с ней – одно удовольствие, в отличие от итальянки с её дурацкими шуточками. Впрочем, выбирать не приходилось. Да и Фиона выглядела ангелочком по сравнению с некоторыми спутниками из прошлых экспедиций.

Солнце медленно клонилось к горизонту, а в небе неподвижно висел Альфригг – один из четырёх спутников Фрейи. Он не заходил и не восходил, так и торчал в одной и той же точке неба, как приклеенный. Как объяснила Джеймсу одна девчонка из астрономов, это называлось «геостационарная орбита». Как у многих земных искусственных спутников. Или теперь правильно говорить «фрейестационарная»? Джеймс в такие лингвистические и астрономические тонкости не вникал. Висит себе и висит. Что он, Луны не видел? Вон, лучше на Двалина смотреть, этот раза в четыре больше земной будет, и исправно катится по небу. Жуткая штука. А вдобавок ко всему ночью на небо выползает Бета, как вопреки мнению астрономов народ прозвал вторую звезду системы, и приходится шторы на окнах опускать, чтобы спать в темноте. Нет, времени ещё много пройдёт, пока он привыкнет к новой жизни по-настоящему.

Он шагнул к роверу и вытащил чемодан с беспилотником. Поблизости ничего не видно, так что стоит взглянуть на реку.

– Капитан? – тут же ожили наушники. Голос принадлежал Софи Дюбуа – их инженеру.

– Осмотрюсь, – коротко ответил Джеймс, глядя по сторонам. Нет, ничего. Небо чистое, ни облачка, да здесь и не бывает никогда облаков. И раскалённая Альфа так и норовит вонзиться в голову своим светом, точно хочет сбросить с планеты гостей, изжарить их дочерна. Поначалу Джеймс откровенно ненавидел чужое светило, а теперь искренне желал ему поскорее погаснуть.

– Есть причины беспокоиться? – встряла в разговор Фиона.

– Нет.

Фиона громко фыркнула. Беспечная девочка, подумал Джеймс. В Африке она бы долго не протянула, а уж в джунглях Фрейи тем более. Но, как и раньше, капитан промолчал.

Беспилотник уютно устроился на камне. Зачем он это делает? Тут же пусто, как на Марсе. Даже ландшафт чем-то похож – такая же каменистая красноватая пустыня и пыль везде. И сухо, очень сухо. А без шлема и комбеза – вообще беда. Влажность почти нулевая, горло моментально пересыхает, а кожа трескается. Хуже земной Атакамы, где дождь раз в сто лет идёт. Тут его, наверное, не бывает вообще никогда. Но река – это вода, а где вода, там и жизнь. А здешнюю жизнь Джеймс уже успел крепко невзлюбить, не хуже висящей в небе Альфы.

Он взял в руки джойстик, нажал кнопку, и «муха» послушно зажужжала винтами. Джеймс шевельнул рычажком. На экране возникла безжизненная равнина, которой он уже насмотрелся за эти дни, белое пятно ровера – приземистая округлая машина на шести широких ребристых колёсах, и он сам в двух шагах от неё. Рядом копошились затянутае в серебристые комбинезоны девушки. Все скрытые под тканью детали – системы климат-контроля, плоские аккумуляторы и один сверхразум ещё знает что – аккуратно распределялись по всей

поверхности полимерной ткани, так что комбинезоны плотно облегли тела. Удобно в работе и красиво, особенно на женском теле. Недаром рабочие комбезы почти сразу после выхода на рынок стали новым стереотипом в порно.

Несколько секунд Джеймс любовался этой картиной, после чего уверенными движениями направил беспилотник туда, где должна была находиться река. И вздрогнул, когда камера показала ему глубокое ущелье, на дне которого блестела вода. Вот она, река-то. А на карте никаких оврагов.

– Русло реки, – произнёс капитан. – Очень глубокое.

– Злобных орков в засаде нет? – спросила Фиона. Джеймс не обиделся. Пусть лучше его сто раз назовут параноиком, чем один раз напишут некролог. Шуточки учёных, а тем более баб, он сносил совершенно спокойно.

– Всё в порядке, – сказал он, заставляя «муху» повернуть обратно. – До воды далеко, кто бы там ни прятался.

Софи устанавливала какой-то научный прибор с локаторами, антеннами и ещё какой-то хренотенью, принцип работы которой Джеймс и не пытался понять. Поначалу он интересовался такими вещами, но из объяснений девушек понял только то, что прибор анализирует атмосферу, грунт, регистрирует колебания почвы, магнитного поля и кучу всего ещё, отсылая данные на ближайшую станцию. В общем-то, больше капитану и не требовалось.

Он лишь мельком отметил, что до конца работ около десяти минут, и направил «муху» к месту стоянки. А в следующее мгновение безо всякого беспилотника увидел животных на склоне холма.

Три сотни ярдов отметил мозг, и «муха» плавно шлёпнулась на землю.

– Капитан? – вновь раздался голос Софи. Джеймс не обратил на неё никакого внимания и только поднёс к глазам бинокль.

Пять ящероподобных существ с рыбьими мордами. Сидят на склоне, топорщат спинные плавники и смотрят. Прямо на него.

– Капитан, может, вы всё-таки нам ответите? – не выдержала Фиона. – Что там такое?

– Животные, – коротко ответил Джеймс, продолжая изучать гостей в бинокль. – Какие-то рептилии, кажется.

– А смотрите, как будто армия Конго засаду устроила, – поддела его чёртова итальянка. Джеймс скривился, точно его заставили съесть свежий лимон. Пускай шутит. Ей в жизни не узнать, что такое засады в джунглях.

– Делайте свою работу, док, а я буду делать свою, – сказал он. Рыбомордые, несомненно, видели их, и – Джеймс был уверен – наблюдали. Он не был специалистом по животным, но изрядно насмотрелся на них во время африканских кампаний. Было что-то очень странное в этих рыбах-ящерицах, что-то от хищника, изучающего добычу и ждущего удобного момента для нападения. Но не такое, как на Земле. Что-то другое.

А знаешь ли ты, – мысленно обратился он к Фионе, – что может устроить самый обычный земной крокодил, если вовремя его не заметить в воде?

Ящерицы. Больше всего существа на холме напоминали земных ящериц, только размером с человека и прямоходящих. А морды всё-таки явно рыбы, и эти плавники на спинах. Водяные они что ли? Хотя так и так – без воды им не прожить. Что они тогда забыли в пустыне, где никого и ничего нет? А воды – так особенно?

– Не хочу казаться параноиком, но эти твари меня пугают, – сказала Ольга. Джеймс мельком взглянул на неё – девушка уже установила сейсмограф и теперь разглядывала «ящериц» в собственный бинокль. – Они как будто следят за нами.

– Именно для этого у нас есть оружие и мужчина в команде, – хмыкнула Фиона. – Если они попробуют напасть, получат пулю.

Потрясающая для биолога любовь к природе, – подумал Джеймс.

– Заканчиваем и уезжаем, – коротко заявила Софи. Формально она считалась командиром экспедиции, и теперь воспользовалась этой властью. – Капитан, сфотографируйте этих существ. Нам они без надобности, но могут заинтересовать садистов из Биослужбы.

– Я, кстати, тоже оттуда, – обиделась Фиона, настраивая какой-то прибор.

– Сделаю, – меланхолично ответил Джеймс. Ольга, стоявшая у ровера, без лишних слов бросила ему фотоаппарат. Электроника шлема могла фиксировать изображения и самостоятельно, но не на таких расстояниях.

Но как только капитан взял группу в фокус, те словно по команде повернулись и исчезли за холмом. Джеймс успел сделать лишь один снимок.

– Какого! – громко воскликнул он.

– Ушли, – удивлённо сказала Ольга. – Как будто поняли, что их снимают.

– На Фрейе полно полумрачных существ, – Фиона оторвалась от прибора. – Есть и такие, что поумнее дельфинов будут. Скорее всего, они приняли ваше движение за агрессию.

– Ага, за триста ярдов-то, – не удержался Джеймс. Фиона вздохнула.

– Вы же не знаете, насколько далеко они видят, – буркнула она.

– Через этот раскалённый воздух и песок без очков черта с два они бы увидели хоть что-то. Умникам-астрономам стоило бы назвать планету не Фрейей, а Сетом.

– Сетом? – Фиона повернула голову. – Это кто?

– Древнеегипетский бог пустыни.

– А, мифология... – она тут же поскуичнела.

– Довольно, – Софи направилась к роверу. – Мы закончили?

Фиона посмотрела на экран планшета.

– Всё работает как часы, сигналы идут.

– Тогда загружаем и едем домой. Я хочу в душ.

Река Керлауг, 35 мая. Снежана Савицкая

Урча мотором, гидроцикл лихо рассекал жёлтую воду реки. Керлауг не уступала по размерам земной Амазонке, да и окружавшие реку джунгли очень походили на земные. Если не присматриваться, то и не поймёшь, что вокруг не Земля, а Фрейя. Разве что пылающая над головой Альфа не давала ошибиться.

– Подплываю к месту, – сказала Снежана.

– Сколько ещё? – раздалось в наушниках.

– Метров двести, – девушка щёлкнула кнопкой, и на несколько секунд обзорный экран шлема показал ей полупрозрачную карту местности. – Тёмная энергия, как же мне не хватает GPS!

– Ничего, мы так ещё долго жить будем, – захихикали наушники. – Привыкай, тут тебе не комфортная Земляшечка.

– Да уж привыкла за столько дней.

Она ловко повернула гидроцикл, окатив волной растущее прямо из воды дерево, и за очередным кустом увидела цель своего плавания – колонны автострады, идущие через размытый приливами берег. Хотя какая это автострада: узкая пластиковая лента, связывающая Мидгард с океанским портом, на которой для обгона нужно на встречу выезжать. На Земле даже городские улицы шире.

В этих местах река образовывала широкие «карманы» со стоячей водой, наполнявшиеся от приливов, и строители, не мелочась, протянули над ними мосты. Искривлять путь они не любили. Только теперь из-за этих дурацких колонн Снежане пришлось прервать короткий отдых между экспедициями и плыть за два километра, только чтобы посмотреть на синезелёную плесень. Грибок покрывал опоры сплошным слоем чуть ли не на треть высоты, и выглядело это, по мнению девушки, премерзко. Мало того, ей выдали специальную стеклянную банку для образцов, которую предстояло набить этой гадостью.

– Слушай, у наших умников что, не нашлось лишнего дрона для этой фигни? – недовольно спросила девушка.

– Роботов не так много, Снежка. Свободных людей больше. Вроде тебя. Что видишь?

– Вижу плесень, – честно ответила Снежана. – Или мох. Похоже и на то, и на другое.

На Земле она могла бы включить трансляцию изображения с закреплённой на шлеме крохотной камеры. Но на Фрейе спутниковая связь пока отсутствовала, а сотовая в этих джунглях работала с чудовищными шумами помех. Послать хотя бы фотографию нечего было и думать.

– Подробнее, – в голосе дежурного прорезались нотки нетерпения.

– Помолчи, Йозеф. Ты мне мешаешь.

Снежана вытащила гидроцикл на берег, сверилась с часами и вызвала на экран шлема справку – до прилива оставалось ещё около сорока минут. Проверила, заряжен ли пистолет. Двенадцать экспансивных пуль были готовы вылететь из ствола, только нажми на спуск. Ей всегда нравилось оружие – чисто мужским интересом к простым, но смертоносным механизмам. А здесь без него даже за город не пускали. Рай на земле.

Плесень появилась с неделю назад, но только вчера кто-то из речных патрульных додумался сообщить о ней в Центр контроля биологических угроз. Мало ли что это за инопланетная дрянь облепила стеклопластиковые опоры моста? А в Центре зашевелились и отправили человека посмотреть. То, что человек не был специалистом, никакого отношения к Центру не имел и вообще оказался на ближайшей станции наблюдения случайно, никого не заботило. Плесень же, не ядовитые змеи или кто там ещё, и с реки удобно зайти, не углубляясь в джунгли. Справится любой.

Впрочем, Снежана ещё не пресытилась путешествиями по Фрейе. Континентальный климат Харькова, откуда она была родом, изрядно действовал ей на нервы с самого детства. Летом – страшно жарко, зимой – страшно холодно, а что творится весной, лучше и не вспоминать. То ли дело Фрейя с её вечно тёплой погодой: ну точно рай.

Вооружившись скребком и банкой, девушка направилась к колоннам. Джунгли вокруг безмолвствовали. Здесь пролегалата затапливаемая просека, ноги Снежаны вязли в иле, но приближаться к зарослям она не рисковала. Комбез комбезом, но и свою голову на плечах иметь надо.

– Интересно, – задумчиво сказала она, подойдя ближе к опорам. Плесень плотным слоем укрывала поверхность опор и окружала каждую рваным кольцом на земле. На миг Снежане показалось, что отдельные волоски гриба зашевелились при её приближении, но это, конечно, был только ветер.

Ну и дрянь, – подумала она.

– Рассказывай, – вновь раздался голос Йозефа.

– Плесень. Сине-зелёная, очень плотная на вид, с длинными волосками, как у мха. Чего ты ждёшь от меня, чёрт побери? Я пилот, а не учёный.

– Тогда бери образец и проваливай оттуда, – в голосе дежурного послышалось нескрываемое раздражение. – Соскобли до пластика, проверь, не нагадила ли она там чем-нибудь.

Снежана шагнула к колонне, и это оказалось ошибкой.

Не встретив твёрдой поверхности, её нога по щиколотку провалилась в густой ковёр плесени. От неожиданности девушка подалась вперёд, инстинктивно выставив перед собой руки – и всем телом упала прямо в мохнатую шубу.

Спасло её только то, что грибок ещё не успел слишком уж глубоко вьестись в землю. Защитный экран шлема заполонил шевелящийся слой гнуса, затянутые в ткань комбеза руки полностью погрузились в плесень, но в конце концов всё же нащупали опору.

– Снежка! – донеслось из наушников. – Чт у т-бя т-м?

– Дерьмо, – прохрипела Снежана, выползая из плесневого ковра и пытаясь оторвать от комбеза лохмотья грибка. Ткань шипела в тех местах, где её коснулись сине-зелёные нити, а экран шлема помутнел и стал совершенно непрозрачным. – Йозеф! Йозеф, сука, отвечай!

– Я здесь, – хрипло донеслось из наушников. Кажется, кислота, или что там выделяла плесень, добралась до электроники шлема. – Снежка, т м-ня сл-шишь?

– Слышу, как аутиста-паралитика. Эта дрянь разъедает мой комбез и шлем!

– Ты ц-ла?

– Пока да.

– Сбр-сыв-й шлем. Связь держ-м по р-ци г-дроц-кла...

Голос Йозефа заглох окончательно, и Снежана, ругаясь, сорвала с головы шлем. На прежде гладкой и блестящей поверхности появились уродливые тёмные пятна, а защитный экран и вовсе выглядел так, будто его передержали в микроволновке. Комбез тоже пострадал: тут и там виднелись прожжённые кислотой дыры, но на коже осталось лишь лёгкое покраснение.

Продолжая материться, Снежана подобрала банку и кое-как набила её плесенью. Затем, хромя, направилась к гидроциклу, и тут пришла боль. Поражённые места загорелись, словно их прижгли факелом, во рту появился привкус крови. Машинально Снежана коснулась панели управления медблоком на запястье, собираясь ввести обезболивающее, но тут же отдёрнула пальцы. Сверхразум его знает, в какую такую дрянь она вляпалась. Лучше поостеречься.

– А, тёмная энергия, – выдохнула девушка, сталкивая гидроцикл в воду. Теперь, казалось, он весил не меньше центнера. Таким же тяжеленным грузом повис на поясе бесполезный пистолет.

Голова кружилась, Снежана сунула банку в багажный отдел и нащупала стартер. Краем глаза она заметила, что стекло банки тоже начало мутнеть.

– Что ж ты за штука такая? – сквозь зубы выдавила она, заводя мотор. Изъеденные плесенью колонны, конечно, придётся чинить, а вредителя уничтожать. Но Снежану сейчас занимал куда более важный вопрос: добраться до станции раньше, чем яд одержит верх.

Административный центр Мидгарда, 36 мая. Хелена Моргенсен

Это было самое высокое здание в городе. Двадцать пять этажей, не так уж много по земным меркам, но здесь Центр возвышался над городом, как цитадель замка. Когда-то на постройку таких тратили месяцы. Теперь – дни.

Хелена не впервые была в этом месте, но каждый раз поражалась, как быстро люди умеют строить. Ещё три месяца назад здесь не было ничего. А теперь в долине меж двух рек раскинулся целый город для двух тысяч человек – экипажа и пассажиров корабля, прилетевшего на Фрейю. Корабля, который изначально совсем не задумывался, как ковчег.

И если там, на улицах, трудно было оценить размеры грандиозной стройки, то из здания администрации открывался обширный вид. Кабинет Эдмунда Келлера, одного из членов Совета и начальника Биологической службы города, располагался не на самом верху, но и отсюда можно было увидеть весь Мидгард. Потом, конечно, вокруг начнут ставить жилые многоэтажки, появятся настоящие небоскрёбы, и город превратится в отвратительную копию земных мегаполисов. Но сейчас внизу лежали аккуратные, полные плавных изгибов белые домики, выглядевшие так, словно их нарисовал дизайнер-футуролог. Зрелище это каждый раз захватывало не привыкшую к высоте Хелену, пусть и ненадолго.

Здесь ей никогда не давали полюбоваться видами.

Как, например, сейчас. Сперва с утра в кабинет заявился Драгомиров, в обычной для него хамской манере потребовав анализ по его проблеме. Потом, как оказалось, он переправил документ Келлеру, и уже через два часа Хелене поступил звонок с предложением посетить начальника. Вызов автоматического такси, десять минут езды по улицам Мидгарда, и вот они вдвоём входят в кабинет Келлера. Времени на то, чтобы посмотреть в окно, не остаётся.

– Садитесь, – советник приглашающим жестом указал на мягкие кресла. – Я прочитал ваш доклад, доктор Моргенсен. Признаться, меня он напугал.

Хелена слегка поморщилась. Ей не нравилось, когда её называли «доктор». В конце концов, ей всего двадцать два года земных года и в былые времена она только заканчивала бы университет. Конечно, Хелена отдавала себе отчёт, что она живёт не в двадцатом веке и сейчас дети в школу идут, едва достигнув четырёх лет, но такое обращение всё же что-то задевало в душе. Для Снежной королевы, как её вполне заслуженно звал Драгомиров, это было весьма редким явлением.

С другой стороны, Келлер был одним из немногих, кто относился к ней, как к человеку. Ему можно и простить.

– Понимаю, – ровным голосом сказала она.

– Вы не нашли подходящего животного среди известных нам и спрогнозировали его портрет. На основании каких данных?

– Ну... – ординатор запнулась. Как объяснить слепому, что такое красный цвет? – Я смоделировала ситуацию по отчёту доктора Драгомирова и выделила качества, которыми должен обладать убийца. Затем я перебрала возможные варианты реализации этих качеств в биологическом объекте и оставила наиболее вероятные варианты. Биохимия существ Фрейи очень похожа на нашу, так что точность прогноза...

– Так, – Эдмунд забарабанил пальцами по столу. Иван хранил гробовое молчание. – Значит, точность вы гарантируете?

– Девяносто пять сотых, что существо похоже на один из предложенных мною вариантов.

– Это уже достаточно много.

– Тебе бы в сценаристы ужастиков податься с такой-то фантазией, – буркнул Драгомиров.

Фантазия у Хелены полностью отсутствовала, но, с другой стороны, может, так и пишутся книги? Моделируется ситуация, рассматриваются варианты, рассчитываются вероятности. Только Хелена делает это осознанно, а нормальные люди – нет.

Нормальные люди. Ну да. Тут и спорить не о чем. Она – ординатор. Среди ординаторов нормальных нет. Драгомиров ей каждый день об этом напоминает.

И ничего ужасного в своём выводе Хелена тоже не видела. Нечто вроде ядовитой мурены, нечто вроде осьминога с ядовитыми щупальцами, нечто вроде ракоскорпиона. Возможно, их и можно показать в каком-нибудь фильме. Но это ведь потенциально реальные существа, не больше того. Зачем снимать о них кино?

– Вы дадите санкцию на исследовательскую миссию? – подал голос Драгомиров. Он был мрачен и угрюм. Впрочем, он всегда был мрачен и угрюм, точно ему только что сообщили о смерти любимого хомячка. Другим Хелена его никогда не видела.

– Да. Но, Иван, вы же понимаете, что в этот раз безопасность должна быть абсолютной? С вами отправится усиленная охрана.

– Без проблем, – Драгомиров пожал плечами, и всё же Хелена увидела, как в его глазах вспыхнула злость. – Но возглавлю миссию я.

– Разумеется. Тогда через неделю.

– Неделю? – на лице Ивана не дрогнул ни один мускул. – Зачем столько времени?

– Нужно хорошо подготовиться, – серьёзно ответил Эдмунд. – Наберите пока себе команду. Ваш лимит – десять человек, ещё шестерых пришлёт служба безопасности. Я направлю вам список, когда они разберутся.

– Хорошо, – Драгомиров глубоко вздохнул. – Тогда разрешите откланяться.

Эдмунд кивнул. Хелена собралась было подняться, но советник жестом остановил её.

– Оставайтесь, доктор Моргенсен. Если не возражаете.

Иван молча вышел из кабинета, даже не оглянувшись. Разумом Хелена понимала, что он взбешён, но в душе по-прежнему царил совершенное спокойствие. Вот они, гены ординатора: полное отсутствие эмпатии. Ещё один подарок учёных.

Дверь закрылась, и воцарилась тишина.

– Не буду ходить кругами, и моё, и ваше время слишком ценно, – нарушил молчание Эдмунд. – Мы хотим восстановить проект «Метаморфоз».

Это известие не прошло мимо нервной системы Хелены, и девушка вздрогнула. Грандиозный генетический эксперимент на людях столь же грандиозно провалился в конце двадцать первого века, лет за десять до Чёрного дня. Под давлением напуганной общественности даже в Китае приняли закон о запрете генных изменений человеческого мозга. О более либеральных странах и говорить нечего.

Причиной стала лишь одна ошибка, но этого хватило с лихвой.

– И что требуется от меня? – спросила Хелена, уже зная ответ.

– Генетический материал. У нас, конечно, есть вся документация по проекту, – Эдмунд неопределённо махнул рукой в сторону погасшего монитора, – но мы сейчас не в состоянии редактировать геном с нуля. Работать с готовыми тканями проще. Если вы только согласитесь...

– Нет.

– Почему? – он напрягся.

– Потому что это слишком опасно для объектов эксперимента. Я не вправе брать на себя ответственность, а она будет на мне, если вы внедрите в зародыши детей мои гены. Вам потребуются серьёзные аргументы, чтобы переубедить меня.

Несколько долгих секунд Эдмунд молчал.

– Нам нужны ординаторы, – наконец сказал он. – Нас слишком мало, доктор Моргенсен. Людей, я имею в виду. Один ординатор заменяет целый отдел, который можно направить на другие задачи. Да вы и сами это знаете. Но у нас их всего пятеро. Пятеро уцелевших из тысячи!

– Разве не создатели виноваты в смерти остальных? – спокойно спросила Хелена.

Эдмунд тяжело вздохнул.

– Виноваты многие, – сказал он. – Ошибки... случаются.

Повисла тишина. Это была болезненная тема – даже для Хелены. В первую очередь потому, что она сама являлась продуктом «Метаморфоза». И косвенно была причиной его закрытия.

Ординаторы, люди-счётчики, способные решать в уме дифференциальные уравнения и многократно эффективнее использовать прямое подключение к компьютеру. Вот какой была главная цель проекта. Остальные линии – всего лишь дополнение. Улучшенное цветовое зрение, усиленная синаптическая пластичность – всё это ерунда. Генетики создавали хомо суперус, сверхчеловека, изменяя мозг хомо сапиенс.

И, конечно, у них ничего не вышло.

Первые смерти начались, когда дети достигли тринадцати лет, и очень быстро стали настоящим девятым валом. Учёные всё же нашли корень проблемы, но от их подопечных к тому времени осталась лишь жалкая горстка. Хелена сама с трудом пережила кризис, едва не вскрыв тогда себе вены – не от несчастной любви, как случается в таком возрасте, а потому, что начала превращаться из девочки в женщину, и гормональная волна накрыла изменённый генетиками мозг. Он не справлялся с тем, чем его наделили. Шёпот в голове, галлюцинации и навязчивые мысли – побочные эффекты от изуродованных генов в её ДНК, программировавших работу мозга. Только помощь подруги, такого же модификанта, но с куда более безобидными изменениями, позволила Хелене справиться.

Теперь её внутренние демоны сидели где-то очень глубоко и не давали о себе знать. И самым страшным кошмаром было жить с осознанием того, что однажды они могут проснуться.

– И вы хотите вырастить ещё несколько тысяч ординаторов в расчёте, что хотя бы пара сотен из них останутся в живых? – наконец спросила Хелена.

– Не пара сотен. Ваши коллеги погибали, потому что м... хм. А, тёмная энергия! Мы, именно мы тогда не знали, почему это происходит. Но сейчас причина известна, и мы можем её устранить. Можем. Вам нечего опасаться.

– Я подумаю, – ровным голосом сказала ординатор. – Полагаю, остальные отвечали вам так же.

Её собеседник вздохнул.

– Я буду рад, если вы согласитесь, доктор.

– Моё решение не будет продиктовано иррациональными причинами, советник. Радоваться здесь нечему.

Через минуту она уже стояла в коридоре, у окна.

Город лежал внизу, сверкая в свете Альфы. Белоснежные дома, похожие на надутые ветром паруса. Редкие высотки административных зданий. Десятиэтажка Центра контроля биологических угроз – сейчас она спустится вниз, вызовет такси и уедет туда. Подальше от Келлера с его предложениями.

Хелена прислушалась к себе. Нет, она не испытывала злости. Отвращение, неприязнь, презрение – всего лишь слова. Она оценивала слова Келлера будто со стороны. Да, ординаторы нужны городу. Да, она может отдать частичку себя и зачать детей, которых никогда не увидит. Но риски велики, а её личный этический кодекс запрещает подобный поступок.

Навязан ли он извне, воспитателями, или Хелена придумала его сама? Сегодня она впервые задумалась над этим.

Научно-исследовательское судно UFS “Sigyn”, 36 мая. Джеймс Гленн

Он почти не замечал качку – на море стоял штиль. Вообще говоря, капитан вовсе не был «морским котиком» и океану неизменно предпочитал сушу, пусть даже душны джунгли или пустыню, где каждая попавшая под одежду песчинка становится острым ножом, вонзающимся в плоть. Тем более, что современная армейская одежда хорошо защищала от песка. Но его предпочтения мало кого интересовали, а нелюбовь Джеймса к океану была не настолько сильной, чтобы отказаться от задания. Так что, когда по возвращению из Мёртвого пояса ему отдали приказ сопровождать морскую экспедицию на единственном корабле Фрейи, капитан без раздумий отправился в порт. Всяко это лучше, чем сидеть дома.

А когда оказалось, что каюту ему придётся делить с Фионой Кристофоретти, настроение поднялось ещё больше: знакомые люди всегда лучше незнакомцев. Даже такие, как Фиона.

Девушка, правда, с виду его настроения не разделяла, и её шуточки стали только острее. Но против отравившего носорожью кожу капитана это было как слону опухло.

На самом деле Джеймс с удовольствием поселился бы в матросском кубрике – он ещё застал те времена, когда женщин и мужчин селили отдельно, делая исключение только для женатых пар. Но времена меняются. Феминизм процветал весь демократический двадцать первый век, и вот он, результат. Скажи кто юному Джеймсу, что в будущем он предпочтёт коренастых волосатых мужиков обществу шикарной брюнетки с третьим размером груди и аппетитной фигуркой, рядовой Гленн только покрутил бы пальцем у виска. А сейчас... То ли это офицерское звание его так изменило, то ли настроения в социуме стали другими. А может, он просто постарел.

Не то чтобы ему не нравилась Фиона как женщина, скорее наоборот, но вот поговорить с ней было ровным счётом не о чем. Слишком у них оказались разные интересы. С матросами всегда можно обсудить баб, выпивку, ну и прочие чисто мужские темы. И неважно, какое там у кого хобби. А эта девица всё время в своей биоинженерии и прочих науках, погрузилась с головой, только макушка из пучины видна. Мифы народов мира, которые очень уважал капитан, ей были совершенно не интересны. Он, конечно, не спорил, но не зная, кто такой Сет – это оставалось выше его понимания.

Впрочем, в любом случае такая соседка была намного лучше какой-нибудь занудной брюзгливой карги, разменявшей седьмой десяток, и Джеймс не жаловался на жизнь. Фиона тоже. По крайней мере, вслух.

Их «Сигюн» остановилась в миле от берега – фарватер в этих местах был полностью неизвестен, и к приливной зоне предполагалось пойти на глайдерах. Над головой висел неизменный Альфригг, остальных спутников видно не было, и шёл отлив. Даже отсюда Джеймс мог видеть обнажившееся дно и выеденные водой скалы, наверняка служившие жилищем для множества морских обитателей. Их-то и собирались изучать биологи. В первую очередь – на предмет опасности для людей.

Заскрипели канаты, и дно глайдера с плеском ударилось о воду. Капитан привычными движениями отцепил фалинь и включил двигатель – тот послушно зажужжал, всасывая воду. Дно тут, конечно, поди знай какое, но на мель сесть глайдеру не грозит – для такого случая у него имеются колёса, ныне прижатые к бокам. Опустил полуоси и съезжай себе спокойно обратно в воду, как на автомобиле. Мечта, а не машина.

– Не гоните слишком быстро, капитан, – услышал он. – Тут могут быть рифы.

Джеймс послушно снизил скорость. На местах для пассажиров, кроме Фионы, сидело ещё трое каких-то хмырей неприятного вида, которых он до того в глаза не видел. Ну, пускай

развлекаются на берегу. А он будет стоять на страже и смотреть, как бы кто из местных тварей не закусил биологами. После того, как на одном из плавучих островов кого-то из учёных таки слизнули, в этом нехитром деле появилось куда больше смысла.

Фрейя утаивала слишком много, чтобы сбрасывать это со счетов. Ядовитые насекомые, ядовитые змеи, ядовитые птицы – всего не перечислить. Прячущиеся в норах крабы-охотники размером с винт дикоптера, медузы, полипы. А в море время от времени датчики ловили инфразвуковые сигналы, суть которых всё никак не могут понять научники. Много тут ещё странного, а странное вполне может оказаться опасным.

– Группа «Гамма» вызывает «Сигюн», – сказал он в рацию. – Доложите обстановку.

– Чисто, сэр, – ответили с корабля. – Ни слонов, ни Тарзанов.

Это означало, что беспилотные квадрокоптеры не обнаружили с воздуха ни крупных животных, ни хоть сколько-нибудь разумных аборигенов. Правда, на Фрейе главную опасность представляли не «слоны», а мелкие насекомые и рептилии, подавляющее большинство которых вполне могло если не убить человека, то надолго отправить его в госпиталь. Если верить документации, комбез защищал от укусов, но Джеймс давно привык, что даже самая современная техника может подвести.

Ближе к приливной зоне появились и обещанные рифы, едва выглядывая из воды. Их пришлось огибать, а в какой-то момент днище глайдера заскребло по песку, и Джеймс сдвинул рычаг смены режима хода. Машина слегка вздрогнула, становясь на колёса.

– Нет-нет, отсюда мы пойдём пешком, – поспешно заявил один из хмырей. Джеймс пожал плечами и, отъехав от кромки воды, остановил глайдер.

– Последняя остановка, не забываем в салоне свои вещи, пожалуйста, – объявил он. Фиона одарила его ледяным взглядом. – Не смотрите на меня так, док. Надо же хоть как-то вас веселить.

– Остроты оставьте при себе, милый мальчик. Я развеселюсь, когда осмотрю эти скалы, – пробурчала она.

– Что же в них такого интересного? Ну, да, стофутровая приливная волна захлёстывает вершину обрыва, картина величественная. Но такое на Фрейе везде, не только в этой зоне, к тому же сейчас отлив. Гномы стараются.

– Гномы?

– Угу. Думаете, в честь кого назвали фрейские луны? Альфригг, Двалин, Грер, Берлинг?

– Никогда не задумывалась, – мрачно отозвалась Фиона, разглядывая скалы. Ноги людей вязли в крупном песке, идти было тяжело, и ничто не скрывало эмоций Фионы, которая явно была готова удушить парня, предложившего идти пешком. Тот старательно делал вид, что смотрит куда-то в другую сторону.

– Это легенда о Фрейе, богине весны древних скандинавов. Как-то раз она гуляла по лесу и набрела на пещеру, где четверо гномов любовались чудесным ожерельем. Ну и, конечно, Фрейя захотела получить его. Только гномам не нужны были ни золото, ни серебро, и сперва они отказали богине. Но она всё-таки сумела с ними расплатиться.

– Вот как? – уже слегка заинтересованно спросила Фиона. – Чем же?

– Тем самым! – хохотнул капитан. – Она поочерёдно отдалась каждому, а взамен получила ожерелье.

– Фу, какая гадость, – скривилась девушка. – Спать с кем-то ради побрякушки...

– Возможно. Но когда наши звёздосексуалы долетели-таки сюда и увидели четыре луны у Фрейи, названия те получили мгновенно. А потом из той же мифологии обозвали и город, и реки, и острова. Конечно, с именем планеты научники облажались ещё на Земле, тут никакой весной и не пахнет, но переименовывать не стали. Символизм, говорят. Глубокий смысл весны человечества и так далее.

– По мне, так лишь бы прилично назвали, а там уже неважно, – хмыкнула Фиона.

Из песка на миг вынырнуло что-то красное, и Джеймс вскинул автомат. Существо, однако, не стало испытывать судьбу и нырнуло обратно.

– Это что-то вроде рака-отшельника, – с любопытством в голосе сказала Фиона. – Тут очень многие животные двоякодышащие. Эволюция в приливной зоне...

– Лучше посмотрите туда, – подсказал капитан, указывая на скалы. В каменной стене, проеденной эрозией, виднелся круглый вход в пещеру. Двое биологов уже о чём-то разговаривали, то и дело тыча пальцами в сторону входа.

Следующие двадцать минут прошли в спорах и горячих обсуждениях возможного визита в пещеру. Большая часть учёных занялась фотографированием и сбором образцов – тем делом, ради которого они вообще и высадились с «Сигюн», тогда как остальные с совершенно безалаберным отношением к жизни и здоровью полезли было внутрь, и лишь вмешательство солдат заставило их отступить.

– Господа, – сказал Джеймс ледяным голосом, когда установился какой-никакой порядок. Эта группа была, пожалуй, худшей из всех, с кем ему доводилось работать, и вполне заслуживала эпитета «тупые самоубийцы». – Мне, честно признаюсь, на ваши жизни наплевать, ну вот кроме разве что этой милой девочки, – он кивнул в сторону Фионы, и та презрительно скривила губы. Капитан ухмыльнулся. Око за око. – Но, если вы там подохнете, начальство устроит мне выволочку, а я этого не хочу. Так что сначала мы посмотрим, что там внутри, а потом уже сунемся сами. Понятно?

Крыть биологам было нечем, и молодой сержант притащил с одного из глайдеров зонд-разведчик. После чего Джеймс вынужден был признать поражение – пещера оказалась неглубокой и совершенно безопасной. Правда, за это время открыли ещё несколько пещер в окрестностях, но капитан заявил, что без предварительной разведки никуда никого не пустит, и всё внимание сконцентрировалось здесь.

В конце концов внутрь вошёл один из солдат с автоматом наготове, отрапортовал «чисто», и следом, радостно гомоня, потянулись учёные. Фиона осталась снаружи, сложив руки на груди.

– Обиделись? – спросил капитан.

– Нет. Думаю, как отомстить.

Джеймс фыркнул.

– Это низменные чувства, которые вас отвлекают от основной цели, то есть изучения местности. Вот, например, видите? – он указал на полустёртый рисунок у входа в пещеру. – Как вам теория о том, что это сделали разумные существа?

Фиона молча подошла к скале и принялась разглядывать рисунок. Чёткие ровные углубления в известняке – или в чём-то похожем на известняк – действительно напоминали некий символ, трудноразличимый из-за многолетней эрозии. В нём была странная симметрия, которой не встретишь в следах животных.

– Никогда не думала, что скажу такое, но выглядит действительно похоже на творение разума, – нехотя ответила Фиона.

– Вздор! – раздалось над ухом. Джеймс слегка повернул голову – из пещеры, согнувшись, выходил седовласый мужчина. Серо-зелёный облегающий комбез делал высокого тощего биолога похожим на какого-то инопланетянина из древней фантастики. – С чего вы такое решили, майн юнге фрау?

– Симметрия, доктор Юнцт. Если бы это оставило животное...

– Абсолютная случайность, – с уверенным видом заявил биолог. – К тому же вы делаете выводы по очень неполной информации. И чем, по-вашему, местные дикари это вытачивали? Смотрите.

Он провёл пальцем по углублению, счищая слой соли. Под ним обнаружилась идеально круглая впадина, подточенная водой и ветром, но ещё ровная.

– Никакой резак не оставил бы такую поверхность, – добавил Юнцт. – А если бы здесь существовала развитая цивилизация, за три месяца мы бы обнаружили её следы.

– Возможно, вы и правы, – вздохнула Фиона.

– Не забивайте себе голову романтикой, дорогая. Романтика – это прекрасно, но в нашей работе она лишняя. Знаете, что мы нашли в пещере? Кости, и судя по всему, кости гуманоидов. Но вы же не думаете, что они принадлежали разумным существам?

Он повернулся и пошёл вдоль берега. Джеймс ухмылялся, глядя доктору Юнцту в спину.

– Вам смешно? – буркнула Фиона.

– Док Юнцт, конечно, мужик умный, но всего знать не может, – со смешком заметил капитан. – И он был прав насчёт неполной информации.

– Гениальная идея?

– Только предположение. Вы слышали о гебридном методе? Его придумали на Новых Гебридах. Там есть, вернее, уже были улитки, выделявшие кислоту. Их сажали на камень и...

– Но тогда углубление получилось бы эллиптическим, а не круглым.

– Ну, я же гипотезу высказываю, – пожал плечами Джеймс. – Мало ли каким животным пользовались здешние Тарзаны. Те вот самые, чьи кости в пещере нашли. Но теория интересная, не находите?

Фиона кивнула. Всё её внимание было поглощено рисунком, и, кажется, оттащить от него девушку сейчас мог бы разве что танк с лебёдкой.

– Сюда бы ординатора, – добавил Джеймс.

– Ординатора... – протянула Фиона. – Капитан, у вас ведь шлем с камерой, да? Сделайте фотографии рисунка – этого, вон того, да, наверное, и всех. И перешлите на мой коммутатор в комбесе.

– У вас есть знакомый ординатор? – удивился тот, послушно поворачивая голову в сторону рисунка и нащупывая пальцами нужную кнопку.

Сохранено как File001, – появилась надпись в углу экрана.

– Не знакомый, а лучшая подруга ординатор. Она работает в Центре биоугроз, но, думаю, по знакомству сделает для меня небольшой анализ. Фотографируйте, капитан. С разных ракурсов. И макросъёмкой тоже, все мелкие детали. Надо будет ещё сделать трёхмерную модель...

Роботизированный завод, 37 мая. Виктория Орлова

Это было совсем непривычное дело для лингвиста, к которым Вика причисляла себя прежде. Впрочем, с математикой у неё никогда проблем не было, несмотря даже на общий гуманитарный уклон профессии, и программирование давалось легко. Ничего сложного, надо только приноровиться.

У неё был достаточно обширный выбор. Например, наблюдатель на станции – эти вообще толком ничего не делали целыми днями, знай посматривай себе на приборы, отвечай на запросы из города да пару раз в день выезжай на осмотр окрестностей. Можно весь день посвящать творчеству, самообразованию и прочим прелестям жизни. Или вот научные экспедиции по всей планете – штука поинтересней. Надо только пройти короткий курс обучения, и вот ты уже умеешь запускать квадрокоптеры или устанавливать всякие научные приборы. Вика, однако, ездить не любила. И как-то само собой получилось так, что она оказалась здесь.

С тех пор, как 3D-печать захватила буквально всё отрасли земной промышленности, прошло не так много лет. Мало ведь придумать технологию, надо её сделать рентабельной. Но то, что было экономически невыгодно землянам, стало единственно возможным здесь, на Фрейсе. И люди везли с собой на чужую планету не технику, а инструменты для её изготовления.

Только робот всё равно не может изготовить что-то сам. Ему нужны указания. Вот и занималась Вика именно тем, что училась эти указания составлять.

– Недурно, – прокомментировала Софи Дюбуа, изучая программу. – Для человека, который этим занимается месяц, вообще отлично.

Вика потупила взгляд. Софи было под сорок, а ей – двадцать два, что нисколько не мешало моментально зародившимся приятельским отношениям. Кроме того, Вика превосходно говорила по-французски, и это вносило в дружбу отдельную лепту: Софи терпеть не могла грубый, по её мнению, английский язык. Вика была не согласна и иногда жарко спорила насчёт этого с новой подругой. Она приводила в пример Чосера, Шекспира и Спенсера, Софи отвечала целой плеядой французских поэтов. К единому мнению им прийти никогда не удавалось, но от этого становилось только интереснее.

– Ладно, отдохни немного, – добавила француженка. – Всё равно через десять минут обед. И приготовься – у нас будет настоящее задание, а не эта ерунда, – она махнула рукой в сторону экрана, на котором виртуальный робот ловко рисовал сложную стержневую фигуру. Ту, которую только что запрограммировала Вика.

– Настоящее задание? – спросила она.

– Да. Подводная лодка для океанографических исследований. У нас есть чертежи одного из старых японских аппаратов, но нужно адаптировать их под новую технику. Этим мы и займёмся, точнее, ты. В общем-то, те же упражнения, только детали теперь будут настоящие, не абстрактные. Конечно, всю основную часть сделают профессионалы, там нужна сильная математика, но кое-что...

– Подводная лодка, – задумчиво проговорила Вика. – Ты ведь слышала новости?

– Про убитого учёного? – хмыкнула Софи. – Конечно. Это из-за него и началось. Начальник Биослужбы хочет изучить плавучие острова, точнее, их подводную часть. Будет искать животное, которое это сотворило, есть там у них какие-то подозрения, какие – не знаю, но что-то серьёзное. Вот мы и сделаем для этого нужную технику. А скоро туда стартует экспедиция для наземных исследований, и я лечу с ними.

– Поздравляю.

– А, пустое, – отмахнулась та. – Я сейчас сижу с тобой только потому, что до вылета ещё куча времени. У наших инженеров полно работы, а твоё обучение – вроде как отдых такой.

Программирование – не моя специальность, так, нахваталась по верхам. Но основы преподавать могу.

– Знаешь, мне грустно, – вздохнула Вика. – То, что я изучала дома, здесь оказалось бесполезным и только занимает лишнее место в голове. Мои знания по лингвистике тут не нужны никому. Может, лет через тридцать пригодятся. Или сорок. И попала я на борт ковчега только потому, что мой отец – тоже инженер, специалист по системам инкубаторов. А ещё до сих пор кошмары мучают. После того, что на Земле случилось...

– Не грусти, – посоветовала Софи. – Знаешь, до самого отлёта я вообще сама не своя была. Столько смертей... А когда высадились на Фрейю, будто выгорело что-то в душе. И не думай о бесполезности своих умений. Ты именно потому и учишься, что не хочешь мириться с этим. К тому же очень быстро учишься, я, честно говоря, удивлена. По возвращению с островов, если увижусь с мсье Орловым, расскажу о твоих успехах.

– Не надо.

– Надо. Пусть знает, что ты вся в него пошла, – она громко фыркнула.

– И всё-таки, – Вика задумчиво посмотрела в окно, на тёмное небо, где крохотным сияющим диском висела Бета, а под ней сверкал Двалин. – Я смогла найти занятие себе по душе. А смогут ли они?

– Остальные? – Софи тоже посмотрела на небо. – Не знаю, Вики. Мне, честно говоря, всё равно.

Центр контроля биологических угроз, 37 мая. Хелена Моргенсен

Плесень густым комком лежала в металлической банке и будто шевелилась под взглядом ординатора. Хелена знала, что это всего лишь иллюзия, но не могла отделаться от странного ощущения, что за ней наблюдают.

Ей не потребовалось много времени, чтобы подтвердить вывод врача: плесень выделяла плавиковую кислоту. Хватило, вообще говоря, пятнадцати секунд, даже химический анализ был только окончательным подтверждением. Только задача Хелены была вовсе не в том, чтобы определить биохимию плесени.

Она должна была понять, что эта дрянь делала на колоннах автострады.

Стеклопластиковые конструкции изрядно разъело, но строители быстро восстановили все опоры. А команда спецназовцев с огнемётами прошла вдоль берега, найдя и уничтожив ещё три рассадника плесени. Больше эту штуку не нашли нигде, и этот фактор вносил разброд в стройную картину анализа.

Хелена не знала, откуда появилась плесень.

Она просто не встречалась в джунглях Фрейи.

В конце концов ординатор выдернула разъёмы из шейных имплантатов и откинулась на спинку кресла, позволив себе расслабиться. Данных не хватало. Её работа сделана. Осталось только набросать отчёт Келлеру. Пусть сам думает.

Научно-исследовательское судно UFS “Sigyn”, 37 мая. Фиона Кристофоретти

Совершенно обессиленная, Фиона слезла с капитана и растянулась на койке. Разгорячённое сердце слегка замедлило бег, а по обнажённому животу заскользила мужская рука.

– Ну... Наше сотрудничество продолжилось весьма приятно, – едва слышно прошептала биолог.

– После экспедиций в Мёртвый пояс и зону приливов о таком исходе я не думал, – сказал Джеймс.

– О каком? – она приоткрыла один глаз.

– О постели. Хотя как раз в постель мы так и не забрались... – капитан окинул взглядом девственно чистую и аккуратную койку, которую они каким-то чудом ухитрились не разворочить.

– А... – Фиона вздохнула и перевернулась на живот. Чего-то такого она и ждала. – Ну, знаешь, сначала я решила, что ты просто тупой солдафон. Но я не занимаюсь любовью с тупыми солдафонами. Мне интересно отдаваться интеллекту, а у тебя, как оказалось, он есть. Так что, раз уж мы временно живём вместе и не питаем друг к другу отвращения... ну, ты понял.

– Понять-то нетрудно, – усмехнулся капитан. – Слушай, ты разрешишь задать интимный вопрос?

– После того, чем мы тут занимались, что ещё такого интимного ты хочешь обо мне знать?

– Твой возраст.

Фиона хихикнула. Капитан, кажется, сильно отстал от жизни в своих «африках»: этот вопрос вышел из разряда интимных ещё в её детстве.

– Восемнадцать.

– В земных годах или фрейских? – уточнил Джеймс.

– Ты лучше спроси, хронологический это возраст или биологический.

Капитан сел и помотал головой.

– Тут и думать не надо, – сказал он. – «Авангард», то есть «Спаситель» летел к Фрейе сто двенадцать лет, значит...

– Конечно. Ладно, если тебе интересно, то я родилась двенадцатого апреля две тысячи шестьдесят первого года по старому календарю. Хронологически мне, значит, сто тридцать четыре – это если не учитывать всякие эйнштейновы игры со временем во время полёта. Биологически, если вычеркнуть гиперсон – двадцать два. А фрейских лет – восемнадцать. Так что я всё равно совершеннолетняя, по любым законам, можешь не беспокоиться, – она вновь хихикнула. – А сколько тебе?

– Тридцать один.

– Земных или фрейских?

– Тех, что в паспорте, – улыбнулся Джеймс, и Фиона захохотала. Капитан ответил ровно так, как и должен был ответить человек его профессии.

– Военный, – она шутливо ткнула его кулаком в бок, и в тот же миг где-то на палубе взвыла сирена.

– Чтоб меня сверхразум отодрал! – Джеймс вскочил с койки.

– Сирена? – растерянно спросила Фиона, теряя весь игривый настрой.

– Общая тревога! – капитан уже торопливо продевал ноги в штанины комбеза. – А учений у нас не запланировано, так что одевайся! Живо!

Всё ещё ничего не понимая, она последовала его примеру. Ожил динамик системы оповещения на потолке, что-то зашуршало, заскрипело, и раздался голос дежурного:

– Внимание! Всем гражданским оставаться в каютах. Не выходите на палубу, это опасно. Это не учебная тревога. Повторяю...

Загрохотали выстрелы. На «Сигюн» стояло два крупнокалиберных пулемёта и, кажется, оба они сейчас работали на полную. Джеймс торопливо щёлкнул магнитной застёжкой, выхватил из стенного крепления автомат и шагнул к двери.

– Постой! – Фиона бросилась к нему, сжимая в руках одежду. – А я?

– А ты возьми пистолет в руки и сиди здесь, – выходя в коридор, заявил капитан.

Фионе ничего не оставалось, как подчиниться.

Уже в спокойном темпе она натянула комбез и включила все системы. Нарукавный дисплей засветился, виновато проговаривая: «загрузка». Затем он словно очнулся и мигнул, отобразив текущие параметры костюма.

Энергозаряд аккумуляторов – почти полный. Пульс – в норме, слегка учащён. Медблок в наруче – под завязку, все компоненты. Хоть сейчас иди воюй. Фиона мельком взглянула на иллюминатор – вместо привычной для Земли ночной темени за стеклом стояли сумерки, затянутые туманом. Бета светила неярко, но куда сильнее Луны. А ведь тут были и свои спутники тоже.

Тело постепенно остывало от любовной неги. Фиона была бы совсем не против, чтобы Джеймс взял её ещё разок, и это оставляло неприятный осадок. Ну, ничего, тревога рано или поздно закончится, и усталый капитан захочет отдохнуть. И тогда выбора у него не будет.

На всякий случай Фиона проверила и пистолет, убедившись, что тот заряжен и исправен. Стрелять из него ей доводилось пока только в тире, но всё ведь случается когда-нибудь в первый раз.

Хуже всего было то, что ей придётся ещё невесть сколько сидеть в этой сверхразумом проклятой каюте и ждать. Ждать, не зная, что происходит наверху. Вряд ли кто озаботится держать её в курсе событий. И что вообще произошло? Фиона прекрасно понимала: это не банальный шторм. Волнение на море присутствовало, что добавило интересных ощущений двадцать минут назад, но всё же не такое серьёзное, чтобы создать угрозу «Сигюн» и её восьмистам тоннам водоизмещения. И, самое главное, по шторму не стреляют из пулемётов.

Значит, нападение на корабль? Только кто тогда напал?

Фиона терялась в догадках – состояние, которое она ненавидела больше всего. И с удовольствием сделала бы больно тем, кто её в такое состояние ввергал. Хотя бы потому, что незнание часто бывает опасно для жизни.

С палубы вновь донеслись выстрелы. На этот раз всё было куда серьёзнее: грохотали автоматы, кто-то надрывно ревел от боли – больше всего этот крик напоминал вопли раненого слона. Какая-то рыбина вылезла из моря, и теперь brave морпехи расстреливают её в упор? Фиона прильнула к иллюминатору, стараясь разглядеть хоть что-то в тумане и полумраке, но тут же отпрянула обратно.

В море кто-то был. Фиона успела увидеть лишь силуэт – огромный, точно синий кит, и, кажется, с головой на длинной шее. Плезиозавр, автоматически отметилась в мозгу. Нет, конечно, это был не плезиозавр: другая форма, другой вид, но что-то очень похожее на него. Нет, тёмная энергия, она не знала, что это такое. Вообще. Она только слышала плеск воды и видела сгусток тумана. Ей просто показалось.

А-а-а-у-у-а, – протяжно затрубило создание.

Фиона почувствовала, как у неё дрожат колени. А может, это просто вибрировали стены и пол каюты.

А-а-у-о-о-а.

Крики раненого животного на палубе стихли, и на короткое мгновение наступила тишина. Послышались приглушённые команды – какие, отсюда понять было невозможно. Фиона с надеждой посмотрела на динамик системы оповещения, но тот молчал.

А-а-у-о-а.

Существо бросилось на корабль.

Наверное, что-то такое ощущал экипаж «Пекода», когда на него обрушился Моби Дик. Тёмная туша ударилась о борт «Сигюн» где-то в районе кормы – это было всё, что успела увидеть Фиона. Корабль тряхнуло, точно деревянную поделку, девушку сорвало с места и крепко приложило о стену. Полуоглушённая, она попыталась встать, но следующий удар вновь сбил её с ног.

Лёжа на полу, сквозь плывущий перед глазами туман Фиона увидела смявшийся металл стенок, выглядевший так, будто в него врезался поезд. Стекло иллюминатора разлетелось на осколки, и внутрь ворвалась ночная прохлада.

Повезло, – отрешённо подумала биолог. Возьми чудище на пару метров в сторону, и Фиону попросту раздавило бы.

Она немного выждала, но чудищу, кажется, надоело соперничать со сталью. Зато в ночи вновь раздалась трескотня автоматных очередей.

Держась за стены и пошатываясь, Фиона поднялась на ноги. Голова сильно болела – кажется, это она ушиблась при ударе. Пришлось коснуться кнопок медблока, приказывая электронике ввести обезболивающее и стимулятор. Аппарат недовольно пискнул, но всё же кольнул руку иглой, и через минуту сознание слегка прояснилось.

А-а-а-а-у-у-о-а, – донеслось снаружи. Фиона вздрогнула. Что бы там ни требовал дежурный, оставаться в искорёженной неведомой тварию каюте она не собиралась.

Быстрый осмотр показал, что дверь заклинило. Единственным выходом был разбитый иллюминатор – узкий, но и Фиона вовсе не была толстухой. Плечи должны были пролезть, а раз так, пролезет и грудь, и всё остальное.

Несколько минут у неё ушло на то, чтобы вытащить из пазов остатки стекла. На море вновь затрубил кит-плезиозавр, и теперь Фиона ясно увидела его, освещённого тусклым светом Беты – погружённую в воду необъятную тушу, рассекающую волны. Существо высоко подняло голову и плыло прочь от разбитого им корабля.

– Ну и проваливай, – сказала Фиона, вытаскивая последний осколок. Затем она осторожно выглянула наружу, повернула голову – и замерла.

Прямо в лицо ей смотрел инопланетянин.

Существо было гуманоидным, а может, просто таковым казалось: согнутая поза не позволяла рассмотреть его лучше. Вместо кожи его покрывала мелкая красно-чёрная чешуя, на совершенно бездушной морде речного окуня поблёскивали выпуклые рыбы глаза. Их было четыре, и все четыре с холодным безразличием изучали Фиону.

Кр-кр-куаф, – сказала существо и одним плавным движением перемахнуло через фальш-борт. Мелькнули красноватые спинные плавники, длинный хвост, заканчивающийся широкой ромбической пластиной, и через несколько секунд снизу донёлся громкий всплеск.

– Фиона! – донеслось откуда-то сбоку.

– Я здесь! – сбросив оцепенение, крикнула она.

– Назад! – рявкнул Джеймс. Что-то было в его голосе такое, что девушка даже не подумала спорить и просто юркнула обратно в каюту. Грянула очередь выстрелов, что-то тёмное пронеслось снаружи и тут же заревело от боли, когда вновь загрохотал автомат. По спине Фионы пробежал липкий холодок: не спрячься она, вполне возможно, неведомая тварь оторвала бы ей голову.

– Ты в порядке? – в иллюминаторе появилось лицо капитана.

– Более-менее, – Фиона бросилась к нему. – Дверь заклинило, не могла выйти. Что происходит?

– Какие-то твари напали на команду, – Джеймс принялся помогать ей протиснуться сквозь узкое оконце. – На вид как ящерицы. А потом припёрся этот чёртов китозавр и раздол-

бал нам корму. Корабль пока не тонет, но объявлена эвакуация гражданских. Вертушка уже наготове.

– У меня не работает система оповещения.

– Неудивительно, – капитан одним последним рывком вытащил девушку из каюты и поставил на ноги. – Стреляешь хорошо?

– Ну...

– Понятно. Тогда не пали впустую. Только если точно уверена, что попадёшь. Ясно?

Фиона кивнула. Прежде довольно мягкий в общении, теперь капитан отдавал ей приказы, точно суровый учитель первоклашке. Но никаких вопросов не возникло. Сказали – выполняй. Как в армии.

Она взглянула на расстрелянное Джеймсом существо, вздрогнув от мимолётного страха. Пожалуй, только склонный к простым терминам военный мог обозвать *это* ящерицей. Закрытая белой костяной пластиной вытянутая безглазая голова ничем не напоминала земных животных. Шесть цепких когтистых лап ещё подёргивались в последних конвульсиях. Существо было мертво – пули разворотили ему длинную, как у цапли, шею, но даже сейчас казалось опасным. Лишь огромным усилием воли Фиона заставила себя обойти его, особенно страшась длинного хвоста с шипом на конце – она уже привыкла, что на Фрейе очень многие животные вооружены ядом, и посмертная судорога вполне могла захватить её с собой на тот свет. Но тело осталось недвижимым.

– Он слепой? – растерянно спросила Фиона.

– Когда был жив, таким не казался.

Нет, это определённо был не тот антропоид, прыгнувший в воду. Но тогда получалось, что на корабль напали по меньшей мере три разных вида животных. Одновременно.

Потом будешь думать об этом, – сказала себе девушка.

Палуба была залита кровью. Пару раз Фиона поскользнулась, и только крепкие руки капитана удерживали её от падения. Тут и там лежали трупы нападавших – таких же жутких ящериц в человеческий рост, испещрённых пулевыми ранами. Солдаты знали своё дело.

– Дикоптер, – указал Джеймс. Стоявший на носовой площадке транспортник уже завёл двигатели, и поднятый им ветер трепал волосы девушки. – Садись и улетай.

– А ты? – растерялась Фиона.

– Я остаюсь здесь, мы будем ждать буксира. Ходовая часть полностью разбита...

– Ах ты сволочь! – вспыхнула девушка.

– Сволочь, – легко согласился Джеймс и потрепал её по голове. – Не беспокойся, ничего со мной не случится.

– Скотина!

– Вот так всегда, – вздохнул капитан, хватая её за руки и бесцеремонно заталкивая внутрь дикоптера. – Позаботьтесь о ней, ребята.

Солдаты ловко поймали бьющуюся девушку и, усадив её в кресло, пристегнули ремни. Фиона ещё пыталась вырваться, ругаясь по-итальянски, пока дверь не захлопнулась. Только тогда она притихла, молча признавая себе, что всё-таки была рада покинуть разгромленный корабль. И вся эта истерика – всего лишь глупая попытка утвердить своё мнение из-за нежелания подчиняться безапелляционному приказу мужчины.

Об этом она, конечно, никогда никому не скажет.

Центр контроля биологических угроз, 38 мая. Джеймс Гленн

Отчёты о происшествии – всегда сложная штука, особенно если происшествие необычное. А нападение на «Сигюн» обычным отнюдь не было.

Джеймс отдал наверх длинный письменный рапорт, расписав до мельчайших деталей увиденных животных – глупая, по его мнению, затея, потому что трупы убитых ящеров всё равно отправились в жадные ручки патологоанатомов Центра, а китозавра кто-то успел снять на видео. Затем его долго расспрашивали биологи, злясь, когда он не мог вспомнить каких-то тонкостей поведения ящеров при жизни, а теперь вот направили к аналитикам. Хотя какое-то разнообразие.

– Короче, если в двух словах, то полный провал, – закончил рассказ капитан. – Всё. Из меня за последнее время выжали что могли. Какие-то подробности?

– Нет, – его собеседница покачала головой. – Пока достаточно.

Рыжую девицу-ординатора Джеймс видел впервые, да собственно, как и ординатора вообще. Слышать – да, слышал много. А вот так, вживую, не встречал. И ничуть не удивился, когда оказалось, что большинство слухов о них – бред сивой кобылы. Более того, возникло желание хорошенько врезать тому, кто их распространяет.

Девушка как девушка. Спокойная, выдержанная, вежливая. Далеко не страхолюдина, хоть и не дотягивает до его Фионы. Хотя, может, он просто не любит рыжих. Никакой косметики, медные волосы без затей схвачены стальной заколкой. Говорит не очень-то эмоционально, но, чёрт побери, она ведёт допрос, а не Джульетту играет. Так или иначе, за час общения с ней капитан в жизни бы не подумал, что говорит с ординатором. Человеком-счётчиком. Человеком-компьютером. Разве только если не зайти ей за спину и не откинуть в сторону волосы – тогда, насколько он знал, можно будет увидеть выходную панель шейного имплантата. Но до такого интима их знакомство пока не дошло.

Мрачная Фиона сидела рядом, слушая его рассказ. Она по-прежнему злилась на капитана, хотя вроде бы уже поняла, что он просто выполнял инструкции. Скандал, который девушка устроила по возвращению «Сигюн» в порт, дал бы фору даже истерикам матери Джеймса – той ещё стервы. Впрочем, итальянка быстро вспыхивала, но быстро и прогорала: эту черту её характера капитан заметил ещё в самой первой совместной экспедиции. Вот и сейчас она не зашла дальше пощёчин и криков. Джеймс считал, что неплохо знает все эти бабские способы манипуляции мужчинами, и одобрял только один из них, а именно секс. Но пока что Фиона ещё недостаточно успокоилась для этого. Вот вечером...

– Ваш отчёт отличается от рассказа корабельных офицеров и других солдат в мелких деталях, – сказала Хелена Моргенсен.

– Ну, память дырявая, мог что-то и перепутать, – пожал плечами Джеймс.

– Это несущественно. Главным остаётся одно: два вида морских существ явно действовали в кооперативе. Это очень странно.

– Три, – неожиданно сказала Фиона, и они оба посмотрели на неё. – Три вида, Хел.

– Ты видела ещё кого-то? – спросил капитан.

– Да. Существо вроде рыбы-гуманоида. Плавники на спине, перепонки на пальцах, очевидно, преимущественно морской образ жизни. Четыре глаза. Жабры, но дышало оно, кажется, не ими. Хотя я и видела его очень недолго, оно сразу прыгнуло в море.

Хелена взяла планшет – мельком Джеймс отметил, что она не пользуется новомодными обручами мыслеуправления. Через несколько секунд ординатор повернула экран к ним.

– Эти? – спросила она. На планшете светилась картинка, в которой Джеймс с изумлением узнал фотографию, сделанную им у реки в Мёртвом поясе.

– Трудно сказать, слишком размытое изображение. Какой-то криворукий недофотограф снимал, не иначе, – с откровенно мстительными нотками в голосе сказала Фиона. – Но это действительно что-то похожее.

– Это вносит коррективы, – Хелена задумчиво постучала пальцами по столу. – Никто больше о таком не упоминал. Чем занималось это существо?

– Ничем. Оно увидело меня, что-то крякнуло и тут же прыгнуло за борт.

Хелена прикрыла глаза.

– Почему ты раньше не сказала? – спросила она.

– От меня отчётов не требовали. А этим придуркам из Центра что ни расскажи, всё впустию.

– Ладно. Мне нужен как можно более детальный портрет, – вздохнула Хелена и принялась наощупь перебирать кабели. – Смотри на экран.

Она ловко воткнула все восемь штекеров куда-то в шею ниже затылка, и монитор показал им окно графического редактора. Серое поле с координатной сеткой, на нём – серый манекен-человечек, глупо смотрящий вдаль.

А потом началось действие.

Фиона рассказывала. «Голова более вытянутая, плавник длиннее. Нет, ещё длиннее. Вот. На хвосте – наконечник в виде ромба. Да. Вот такой». А на экране всё это воплощалось за какие-то доли секунды, итальянка даже не успевала договорить. Хелена полулежала на кресле-кушетке, закрыв глаза, и, казалось, дремала. Только мельтешение в окне редактора говорило, что это не так.

– Простите, что перебиваю, – не выдержал, наконец, Джеймс. На экране уже вырисовался рыбчеловек – очень похожий на тех, кого он тогда видел на гребне холма в Мёртвом поясе, но какой-то другой. Цвета другие, и детали внешности тоже. – Док, но вы ведь даже не смотрите на монитор! Как это у вас получается?

Фиона посмотрела на него, как на идиота. Хелена медленно открыла глаза.

– Мне не нужно видеть монитор, капитан, – сказала она с лёгкой улыбкой – первой за всё время, что Джеймс пробыл здесь. – Он у меня в голове. То, что на экране – для вас.

– В голове? Но...

– Это нейроинтерфейс, только гораздо более продвинутый. Совсем не то же самое, что обруч мысленного управления, к которым вы привыкли...

– А он вообще динозавр, – фыркнула Фиона. – У него даже телефон кнопочный.

– Ну и что? – пожалала плечами Хелена. – Телефон, планшет, смартбрасер – разницы никакой. Тебе всё равно надо смотреть на экран, чтобы видеть, что ты делаешь. А я с компьютером работаю напрямую. Закрывая глаза, я ограждаю себя от лишней информации, чтобы сконцентрироваться на работе, только и всего.

– Понял, – кивнул Джеймс.

Рисование пошло дальше.

Модель получилась изрядно полигональной – всё же Хелена не была художником. По качеству графики что-то вроде персонажа из компьютерных игр начала двадцать первого века, и всё равно ординатор слепила это за каких-то пятнадцать минут. Такого Джеймс ещё никогда не видел.

– Посмотрите, капитан, – услышал он голос ординатора и вдруг понял, что сидит и тупо пялится на экран. – Он похож на тех, что вы видели?

– Сложно сказать, – ответил Джеймс. – Я-то их наблюдал с трёхсот ярдов... метров, хоть и в бинокль. Но точно могу сказать, что хвосты у тех были гладкие, без набалдашников. И гребни не такие пышные и другой расцветки.

– Два разных вида? – задумалась Хелена. – Вы сможете описать их? Более детально, чем показывает фотография?

– Ну... – Джеймс посмотрел на экран. – Ладно, док. Запускайте. Что смогу – вспомню.

Ординатор кивнула, а капитан только вздохнул. Пожалуй, встреча с этой девушкой оказалась лучшим, что с ним произошло сегодня.

Он даже сказал себе, что постарается бывать здесь почаще. Исключительно в научных целях. Просто потому, что ему оказалась интересна Хелена Моргенсен и её работа.

Административный центр Мидгарда, 39 мая. Хелена Моргенсен

Больше всего это место напоминало зал в здании ООН, где за круглым столом собирались дипломаты. Стол здесь тоже был круглый, но размерами сильно уступал земному собрату, да и само помещение тоже. И людей здесь сидело куда меньше: даже пары десятков не наберётся.

Безукоризненно вежливая девица в деловом костюме посадила Хелену на её место, поставила рядом стакан воды, осведомилась, не нужно ли что-нибудь ещё и, получив отказ, ушла. В любой момент Хелена могла вызвать её по местной связи, но знала, что вряд ли сделает это.

Она впервые была на пленарном заседании Совета и с большим удовольствием не пошла бы сюда, но, прочитав её последний отчёт об анализе нападения на «Сигюн», Эдмунд настоял на своём. В какой-то мере он был прав: слишком уж серьёзные новости содержались в том коротком тексте. Но, с другой стороны, чтобы сообщить их Совету, Хелена была не нужна.

Впрочем, подвергать сомнению приказ начальника она не собиралась. Надо прийти на заседание – значит, надо.

Новое правительство сформировалось ещё на Земле, сразу после Чёрного дня. Сперва это была всего лишь группа контроля ситуации, занимавшаяся гуманитарной помощью и эвакуацией людей в безопасное место. Таким местом оказался космодром на франко-немецкой границе, откуда прежде взлетали ракеты-носители, доставлявшие на орбиту модули для постройки «Авангарда». Работали тогда все по принципу «кто что может, то и делает», и как-то само собой вышло, что каждый оказался на своём месте. Теперь эти люди, взяв власть в свои руки, развивали колонию на чужой планете.

И, как считала Хелена, получалось у них неплохо, в особенности если учитывать экстремальные условия Фрейи.

Из всего Совета она знала только двоих: Келлера, своего непосредственного начальника, и Андрея Плутонова, координатора – с ним она разговаривала сразу после прибытия на космодром. Плутонов был профессиональным управленцем, поэтому неудивительно, что он получил эту должность. Остальных ординатор прежде не видела, но меньше всего она хотела исправлять это упущение. С её точки зрения это не было необходимо для работы.

Когда все расселись, со своего места поднялся Плутонов и вскинул руку, призывая к тишине.

– Коллеги, – сказал он. Никаких намёков на официальный тон в его голосе не было. – Мне, откровенно говоря, надоело начинать каждое заседание с плохих новостей, но приходится. В конце концов, мы тут собираемся именно из-за них. Пункт первый – пищевое снабжение. Антон, прошу...

– Да что тут говорить, – проворчал сидевший почти точно напротив него дородный мужчина с пышными тёмными усами. Голова его была совершенно лысой. – Хреново всё. Мы расчистили поля и засеяли их земными культурами, но они не прорастают. И сверхразум знает, прорастут ли вообще.

– Причина, я так понимаю, в отсутствии на Фрейе времён года? – деловито спросила худощавая пепельная блондинка по правую руку от него.

– Да есть тут времена года, – поморщился Антон. – Просто климатически они очень слабо выражены. К тому же не очень-то они нам и мешают, тут дело в чём-то другом. Мы связались с генетиками и сейчас выводим новые ГМ-культуры, пригодные для местного климата, но всё это требует времени. Разработка, тестирование и так далее. Так что пока по-прежнему жрём цветное желе и пасты.

– Это лучше, чем ничего, – усмехнулась блондинка.

– Есть и хорошая новость, – добавил Антон. – Не всё же негативом вас поливать. В животном инкубаторе растёт искусственное мясо на земных клетках. До стейков нам ещё как Солнцу до красного гиганта, но здесь проблем ожидается гораздо меньше. Кроме того, найдено несколько местных растений, теоретически годных в пищу. Сейчас их проверяют в Центре биоугроз.

Ненадолго все замолчали.

– Пункт второй, – продолжил Андрей. – У нас всё сильнее активизируются люди, не имеющие полезных специальностей. И эта проблема серьёзней, чем кажется.

– Почему же? – поинтересовалась всё та же блондинка. – Они не хотят работать?

Андрей вздохнул.

– Нечто вроде того, – сказал он. – Они хотят работать, но только чтобы это было легко и просто. Вот и получается, что семьдесят процентов населения представляют ценность, а остальные – нет. Не поймите неправильно, мне и самому неприятно такое говорить. Мы все брали родственников – это естественно, и ещё более естественно, что многие наши близкие бесполезны на Фрейе как специалисты. Моя собственная жена на Земле играла на скрипке и виолончели, а здесь её навыки пока что никому не нужны. Но! Она прекрасно сознаёт это и сейчас работает диспетчером на базе «Гагарин», где от неё не требуют специального образования и где она может приносить пользу. Возможно, когда мы осядем здесь плотнее, она создаст оркестр и начнёт возрождать музыку, но это дело будущего. А там, – он ткнул пальцем в сторону, – сидят люди, ждущие от Фрейи лёгкой жизни. Те, кто занимался современным искусством, кто водил туристов по Парижу и Лондону, политики и все прочие, кому повезло оказаться в нужном месте в нужное время и попасть на борт «Авангарда». Что мы будем делать с ними?

– Это сложный вопрос, Андрэ, – тяжело прокряхтел ещё один советник. – Низкоквалифицированные работы у нас в основном выполняет автоматика. Мы не на Земле, чтобы следовать старым законам. Выделять пятнадцать процентов производственной мощности живым рабочим и потом продавать эти проценты в супермаркетах по двойной цене... «Колбаса, сделанная человеческими руками!», «никаких манипуляторов!». Чушь это. Для Земли годилось, но для Фрейи – нет. Обеспечить твоих «бесполезных» подходящей им работой мы не сможем.

– С этим надо будет что-то делать, – задумчиво проговорил председатель. – Подумай, Луи. Это, в конце концов, твоё поле.

– Подумаю, – легко согласился Луи. – Отступить всё равно некуда.

– И, наконец, третий пункт, – немного подождав, сказал Андрей. – Перейдём, так сказать, от бытовухи к настоящим проблемам.

– У тебя должны быть веские причины, чтобы называть первые два пункта бытовухой, Андрей, – заметила блондинка.

– Они *очень* веские, Аманда. Эд?

– За последнее время на Фрейе произошло много событий, повлёкших за собой гибель и ранения людей, – сказал Эдмунд Келлер. – Несколько дней назад сотрудники береговой станции «Гагарин» обнаружили дрейфующий катер в приливной зоне, пассажиры исчезли. Пострадала девушка-пилот при попытке собрать образцы плесени с опор моста, которая, как оказалось, разъедает стеклопластик. Это побудило меня задать работу аналитическому отделу – из чистой паранойи, если хотите, но на своей работе я обязан быть параноиком. А позавчера, как вы все знаете, случилось нападение морских животных на исследовательское судно «Сигюн». Погибло восемь человек, корабль сильно повреждён. Всё это было изучено, и результат... скажем так, результат меня не обрадовал. Передаю слово доктору Моргенсен из Центра контроля биологических угроз.

Хелена поднялась, слегка нервничая. Примерно то же самое она испытывала, защищая диссертацию перед толпой учёных, которые внимательно слушали каждое её слово. Заседание

напоминало не общение государственных лиц, а скорее посиделки старых друзей, обсуждающих насущные проблемы. Только проблемы здесь были планетарного масштаба, и Хелена чувствовала себя лишней.

– Здравствуйте, – неуверенно проговорила ординатор. – Мною был проведён анализ ряда событий последнего времени. И... В общем... С вероятностью в пятьдесят пять сотых все они или большая их часть – результат деятельности разумной цивилизации, ведущей против нас диверсионную войну.

В зале воцарилась мёртвая, неестественная тишина.

– Ты не ошибаешься, девочка? – посмотрев на коллег, вкрадчиво спросила Аманда. – Мы ведь не обнаружили никаких признаков существования здесь хоть чего-то разумного. А искали весьма тщательно.

– Тонко намекаю, что доктор Моргенсен – ординатор, – скучным голосом заметил Келлер. – Именно поэтому я и позвал её сюда: чтобы убедить скептиков. В особенности скептиков родом из зелёной Ирландии.

– Я не ошибаюсь, – сказала Хелена. Теперь она работала, и эмоции ушли, уступив место расчётливому холодному равнодушию. – Есть много факторов, указывающих на неестественность этих событий. Части из них можно найти объяснение без привлечения дополнительных сущностей, части – нет. Возможно, у нас просто неполная информация. Но одно из объяснений – это действия диверсантов, и пока что это наиболее вероятная гипотеза.

– Глупости, – буркнула Аманда. – Будь это реальные диверсанты...

– Так! – Андрей поднял руки. – Друзья, я очень надеюсь, что истина лежит в оставшихся сорока пяти процентах вероятности. Но сбрасывать со счетов гипотезу доктора Моргенсен мы не можем. Потому что если вдруг окажется, что она была права, а мы – нет, нам конец. А заодно и всему человечеству.

– Ладно, – сдалась ирландка. – Верю. Ещё какие-то предположения, милочка? Например, где могут прятаться эти враги?

– Все нападения совершались вблизи от воды или в море. Плесень тоже появилась возле реки. Если учесть, что на суше следов присутствия разумных существ до сих пор не найдено, с большой вероятностью они живут под водой либо в пещерах приливной зоны.

Аманда помрачнела.

– У нас нет аппаратов, способных осуществлять подводные исследования, – заявила она.

– Я взял на себя смелость заказать инженерам адаптацию чертежей японского подводного катера «Кинтаро», как только произошёл первый случай – тогда пропал человек на одном из островов, – любезно добавил Келлер. – В свете доклада доктора Моргенсен...

– Своевременный шаг, – сказал Плутон.

– Его всё равно придётся адаптировать, – нахмурилась Аманда. Насколько я помню...

– Конечно, – согласился Эдмунд. – Этим тоже занимаются.

– Видимо, мне придётся проконтролировать твою подлодку, – вздохнула женщина. – И в следующий раз, господин Келлер, предупреждай, когда задаёшь что-то моим инженерам. Не то я реквизирую твоих биологов для погрузочных работ.

– Ты тогда занималась чем-то в Мёртвом поясе, – хмыкнул Эдмунд. – А ждать я не мог.

Они продолжали беззлобно переругиваться, пока, наконец, Плутон не объявил, что заседание окончено. Хелена опустила взгляд.

Улыбчивая девушка в деловом костюме провела её к выходу и вызвала такси. Работа закончилась, эмоции возвращались, и Хелене было немного неловко от такой заботы. Но спорить она не стала.

Пятьдесят пять сотых. Не такая уж большая вероятность.

Только вряд ли всё обойдётся.

26 августа 2083. Земля

Вспышка.

Далёкий долгий стон.

Удар настиг дикооптер Снежаны где-то над западной границей Германии. Просто что-то полыхнуло далеко на горизонте, пропала связь, погасла приборная панель. На миг пилоту показалось, что машина устремляется в свободное падение к земле, но двигатели по-прежнему работали, и уже почти вслепую Снежана посадила дикооптер на поле недалеко от какого-то городка, оставив широкую просеку в кукурузном поле.

Не обращая внимания на боль от врезавшихся в тело ремней безопасности, она выбралась из своего металлокомпозитного гроба и огляделась. Где-то в глубине души Снежана понимала, что произошло. Такие картины она много-много раз видела в несчётном числе фильмов, компьютерных игр, они описывались в книгах и комиксах. Но разум отказывался в это верить.

Её подобрали двое растерянных фермеров, почти не говоривших по-английски, а она не знала французского. Только всё равно это не помогло бы – нетрудно было догадаться, что эта парочка тоже ничего не знает, что они страшно боятся и не хотят даже смотреть на юг, где на горизонте до сих пор виднелось уже истаивающее облако взрыва.

Телефоны отключились, связи не было. Не было и электричества – до фермы они добивались пешком. При одном взгляде на безжизненный электромобиль хозяев становилось ясно, что эта колымага больше не поедет никуда и никогда.

Правда, на ферме всё же нашёлся старый трактор с дизельным двигателем и даже топливо к нему, а отец семейства согласился отвезти Снежану к космодрому, где, как надеялась пилот, сохранилась хоть какая-то власть, которая сможет помочь. И уже на космодроме Снежана узнала, что началась война.

Лондон, Москва, Париж, Берлин уничтожены. Противоракетная оборона не справилась с массированными ударами. Кто начал войну, так и осталось неизвестным, да это и не интересовало спешно собранную группу контроля ситуации. Какая, в конце концов, разница, если конец придёт всем? Если небо медленно затягивает пыльная пелена, а через неделю пойдёт первый радиоактивный дождь? Те, кто мог что-то сделать, давно уже так и поступили.

– Значит, вы пилот? – спросил её высокий худой француз. – На чём летали?

– В основном дикооптеры Ка-132 и похожие на него, но справлюсь и с незнакомой машиной, дайте только время освоить. Ну и малая авиация.

– Отлично, – обрадовался он. – Ваша машина цела?

– Упала на кукурузное поле, но, в общем-то, да, если электроника не сгорела. Там груз научной аппаратуры...

– Мы пошлём за ним, но начальства своей фирмы можете не опасаться. Вряд ли оно предъявит вам претензии... хоть какие-то плюсы от ядерной войны, верно? – он натужно рассмеялся. – Нам очень нужны пилоты. Вы согласны работать на нас?

Конечно, согласна. Снежана прекрасно понимала, что тунейдцев держать тут никто не будет. А идти ей некуда. Наверняка украинское посольство точно так же сгорело в атомном огне, как и все большие города.

Только она бы всё равно летала, даже если бы её не просили. Тот, кто однажды поднялся в небо, никогда не забудет о нём.

Француз пояснил, что на орбите висит уже готовый корабль, изначально предназначавшийся для программы «Авангард», то есть полёта к поясу Койпера и создании базы на обнаруженной там планете-сироте. Из-за бюрократических проволочек и дурацкой политики Евросоюза всё было полностью готово к доставке на борт колонистов уже второй год, пока пар-

ламентарии уточняли состав экипажа. Теперь, конечно, всё это пошло прахом. Высокого разрешения больше не требовалось. Корабль теперь назывался «Спаситель» и готовился отчалить.

Но они не собирались лететь к чужому миру горсткой выживших, и через два дня Снежана уже сидела за штурвалом транспортного вертолѐта, направляясь в городок под названием Вестмаас для эвакуации учёных – всех, кого получится найти. Таких рейсов ей предстояло совершить ещё много.

Вот они – людские свобода, равенство и братство. Из умирающего человечества новое правительство, конечно, пытается спасти всех, кого может. Но в первую очередь пилоты летят за теми, кто нужен.

Рассвет. Фрейя

Альфригт холодно смотрел на пришельцев своим глазом-кратером, оставшимся от удара древнего астероида. Люди давно уже не обращали на него такого внимания, как в первые дни: у них хватало своих забот.

Мидгард продолжал стремительно расти. Инженеры возводили коммуникации, обеспечивая всех светом и водой, архитекторы просчитывали перспективы и расчерчивали планировку будущих кварталов, биологи изучали живой мир планеты. Но кроме них, точно так же трудились и другие.

Математическое моделирование выявило, что Фрейя обращается вокруг своего светила за четыреста восемь местных суток, и группа учёных очень быстро придумала новый календарь на десять месяцев. Бурные споры шли только из-за того, как эти месяцы назвать, так что в конце концов год стал начинаться с марта, январь и февраль канули в Лету, а декабрь вновь стал десятым месяцем. Не меньше споров вызвало и время: сутки на Фрейе длились двадцать шесть часов двенадцать минут, и в конце концов решено было сделать «високосный день», когда в сутках появляется лишний час. Длительность же самого часа осталась неизменной.

За сто двадцать дней строители возвели постоянные дома для двух тысяч человек, несколько заводов, множество лабораторий, внешних станций и аэродромов. Инженеры безостановочно собирали новую технику. Человеку прошлого, наверное, это показалось бы невозможным, но, с другой стороны, что он может знать о современных технологиях? Пускай давно прошла эпоха по-настоящему переломных открытий, когда люди научились летать, изобрели антибиотики, радио и множество других вещей, изменивших общество до неузнаваемости, но прогресс всё равно продолжался. Только теперь человечество училось делать то же самое быстрее, дешевле и качественней.

На орбите висели несколько спутников, привезённых ещё с Земли. Из технических деталей люди везли с собой только сложную электронику, всё остальное производилось уже на месте. Дикоптеры, автомобили, роверы и катера. И, конечно, оружие: доклад Хелены Моргенсен заставил людей встревожиться.

Никто пока ещё не знал, как выглядит враг и существует ли он вообще. Но так уж получилось, что оружие всегда было одним из самых совершенных изобретений человечества, и инженерам даже не потребовалось ничего придумывать – к их услугам было множество старых чертежей. Оружейники старались не думать, что скоро эти создаваемые про запас автоматы придётся пустить в ход.

Но делали их именно на такой случай.

Центр контроля биологических угроз, 1 июня. Хелена Моргенсен

– Я не понимаю, – сказала она.

– Я, честно говоря, тоже, – спокойно признался Джеймс. – Я считаю это решение глупым, а вас – совсем неподходящей кандидатурой.

– А причины? – с лёгким интересом спросила Хелена.

– Ясны, как день. Вы из пистолета стрелять умеете?

– Нет. Ни разу в жизни не держала.

– Ну, вот и ответ.

– С этим нельзя спорить, – согласилась ординатор. – Но тогда зачем я нужна в экспедиции на остров?

Капитан пожал плечами.

– Доктор Келлер сказал, вы сумеете в реальном времени наблюдать за ситуацией и повысить боеготовность группы, а кроме того, сможете в нестандартной ситуации быстро просчитать, что нам надо делать и как. В это я вполне верю, сам видел, на что вы способны. И с удовольствием вам подчинюсь. Но, тёмная энергия, для этого ещё в двадцатом веке придумали радиосвязь. Вам не обязательно рисковать своей хорошенькой задницей... гм, простите... короче, вы можете сидеть в уютном кресле за компьютером и наблюдать. Для риска есть мы.

– Связь может прерваться, – заметила Хелена, совершенно равнодушно восприняв чересчур вольные слова капитана. По сравнению с тем, что ей приходилось иногда выслушивать, это была сама невинность. Да и говорил Джеймс по-доброму, в отличие от Ивана и остальных. – А ведь это почти наверняка и будет той самой ситуацией.

– Я сказал Эдмунду, что решение примете вы. Сразу оговорюсь, что это будет не увеселительная прогулка. Лично я уверен на все сто, что там, на острове, действительно живут разумные инопланетяне. А раз так, нам предстоит очень горячая встреча.

– Я лечу, – коротко сказала Хелена. Иной человек на её месте мог бы сказать, что сам не знает, почему он решил именно так, но ординатор такого не говорила никогда. Причины согласия, как и причины всех прочих своих решений, она знала отлично. Новый опыт, новые данные, как следствие – повышение точности прогнозов, повышение квалификации и расширение сферы деятельности.

Хороший куш для человека, не ценящего обычные людские удовольствия.

– Тогда идём со мной, – ничуть не удивившись, сказал Джеймс.

– Вы знали, что я соглашусь.

– Как тут не знать, – проворчал капитан, открывая перед ней дверь кабинета. – Вы, девочки, будто не понимаете, что такое риск. Час назад я уговаривал остаться Фиону.

– Неудачно, полагаю.

– Угу. С ней очень трудно спорить.

Хелена подозревала, что знает, каким образом подруга уговорила Джеймса пустить её, но вслух ничего не сказала.

– Группу собирал Драгомиров?

– Да. Но на вас указал лично Келлер. Идёмте, у нас не так много времени. Мой мотоцикл ждёт на улице.

Хелена впала в ступор. Она уже и не помнила, когда последний раз ездила с живым водителем. Даже в Роттердаме и других больших городах, куда ей приходилось выбираться на конференции и встречи, ординатор в основном пользовалась метро и монорельсами. Иногда – автоматическими такси, если требовалось добраться быстро. Пару раз её катали на своих «кру-

тых тачках» местные авторитеты, с которыми знакомилась Фиона. Но и они садились за руль только чтобы показать свой статус. Большую часть времени всё равно работал автопилот, а хозяева развлекались беседой с дамами.

Джеймс водил сам, и непохоже было, что делает он это ради неё. Ему просто нравилось.

Ехать пришлось через весь город. Большого движения на улицах Мидгарда ещё не было, светофоры только устанавливались, и на перекрёстках Джеймс притормаживал, внимательно глядя по сторонам. Ветер мягко обволакивал комбез, принося прохладу, меж ног подрагивал водородный двигатель. Это были новые, совершенно непохожие ни на что ощущения, приносившие с собой странное удовольствие, которому ординатор не могла подобрать аналогов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.